

Стоило упомянуть «Путь Марионеток», как беседа потекла сама собой.

Пользуясь тем, что наступил полдень, троица заказала в номер целую гору еды и под звон кубков принялась за обсуждение.

Чжунсинь первым взял слово:

— С тех пор как Мо Сяожань, глава Пути Марионеток, вошел в семью Зеркала Неба и Земли, его ученики по большей части затаились. Лишь Тун Фаньюй, объединив под своим началом Союз западных земель, возвела Город Десяти Тысяч Зверей. Теперь это место — настоящий притон для всякой нечисти.

Гэнгэн согласно кивнул:

— Приемы Пути Марионеток всегда считались зловещими и коварными. В мире боевых искусств их презирают. Если бы тогда владыка Зеркала Неба и Земли не пошел на попятную, Мо Сяожаня и всю его братию прихлопнули бы одним махом. Эх, а ведь Зеркало Неба и Земли и Дворец Бессмертных когда-то были двумя столпами праведных сил... И посмотрите на них теперь: в одном заправляют демоны, а другой сам превратился в обитель зла!

Заметив, что атмосфера за столом стала слишком мрачной, Фу Сиянь тут же поднял чарку:

— Полно вам! День-то какой чудесный, не стоит поминать лихом всякую гадость. Давайте лучше выпьем!

Осушив кубки, они вернулись к насущному вопросу: кто же всё-таки стоит за Чжан Дашанем?

Гэнгэн стоял на своем — во всем виноват Чу Гуан. В его описании коварство генерала Чу было куда изощреннее, чем мастерство легендарного Эрлан-шэня во владении трехконечным клинком.

Его брат же склонялся к недавним размышлениям Фу Сияня:

— Семьи Чу и Фу служат при одном дворе. Вряд ли они решились бы на такое из-за мелких дрызг.

— Злоба злодея подобна водам подземного царства Хуанцюань, — упрямо возразил страж. — Пока сам не увидишь, ни за что не поверю, на какую бездну способен человек.

Против этого аргумента Чжунсиню и Сияню, которые вод Хуанцюаня в глаза не видели, возразить было нечего.

Юноша отпил немного вина и неспешно заговорил:

— Ходили слухи, что в былые времена мастерство марионеток Мо Сяожаня позволяло ему управлять всем сущим. Даже мастера стадии вступления в Дао, попав в его сети, превращались в послушных кукол. То, что Чжан Дашань таскает с собой голубей, говорит лишь об одном: он способен подчинять лишь тех существ, которых с детства натаскивали с помощью особых снадобий. Это самый начальный уровень Пути Марионеток. Птицы хороши для разведки, но в бою они бесполезны. Так что нам стоит опасаться тайного удара.

Гэнгэн изумленно вскинул брови:

— Молодой господин так хорошо разбирается в Пути Марионеток?

— Кое-что слышал, — скромно ответил Сиянь.

Он не горел желанием вдаваться в подробности, и братья Чжоу, проявив тактичность, не стали расспрашивать дальше. Разговор плавно перетек на усадьбу Ивового Дерева. Гэнгэн был против этой затеи.

— Вы же сами говорили: «Сделать наперекор злодею — значит помочь доброму человеку», — прямодушно напомнил он.

Сиянь соорил многозначительную мину:

— Нельзя постоянно делать всё наперекор. Иногда нужно соглашаться, а иногда — нет. Пусть враг пребывает в растерянности от нашей непредсказуемости.

Гэнгэн окончательно запутался.

— Молодой господин прав, — рассудил Чжунсинь. — Это поместье славится своим благородством, вряд ли они заодно с Чжан Дашанем. Скорее всего, тот прохвост упомянул их лишь как предлог, чтобы удержать нас в Пэйцзе. К тому же, обманщик говорил, что там есть умелые люди? Сходим, вдруг они смогут излечить... ваш недуг.

Стоило ему упомянуть об этом, как до Гэнгэна всё сразу дошло. Он посмотрел на лишние слои жирка Фу Сияня и мгновенно проникся важностью миссии.

Сиянь на успех особо не рассчитывал, но и переубеждать их не стал. Решено.

Прежде чем отправиться в путь, троица заглянула на почтовую станцию и отправила целую пачку нелепых писем. В одном это был акrostих «Твоему папаше интересно, как читается?», в другом — абстрактная мазня, которую не разобрал бы и Пикассо, в третьем — фразы из учебника английского для начинающих.

Все письма должны были уйти в случайные города и провинции.

Фу Сиянь резонно рассудил, что этого бреда Чжан Дашаню и его покровителям хватит для изучения надолго. Глядишь, хоть на время оставят их в покое.

Усадьба Ивового Дерева была одной из главных достопримечательностей городка, так что нашли они её без труда. Вот только легендарный «пункт экстренной помощи», работающий, по слухам, круглосуточно, встретил их наглухо запертыми воротами. Пахло явным обманом.

Гэнгэн постучал. Вышедший привратник, узнав о цели их визита, вежливо, но твердо отказал, сославшись на «важные дела у хозяина». Взамен он предложил им дорожные деньги.

Подношение было весьма щедрым, так что навязываться Сиянь не стал. Они уже собирались уходить, как вдруг заметили нескольких стражников с длинными мечами на поясах, которые спешно приближались к воротам. Привратник, завидев их, даже вопросов задавать не стал — почтительно распахнул створки и впустил внутрь.

Серебро в руках Гэнгэна тут же потеряло в цене.

Предводитель стражников перед тем, как войти, бросил на троицу пристальный взгляд. Юноша поспешно отвел глаза, сделав вид, будто увлеченно стряхивает пылинку с плеча Гэнгэна.

Тот расплылся в довольной улыбке:

— На другом плече еще грязнее...

Чжунсинь, не желая смотреть на причуды глуповатого брата, негромко сказал Сияню:

— Похоже, привратник не солгал. В поместье и впрямь что-то стряслось.

Фу Сиянь кивнул. Место для разговоров было не самое подходящее, поэтому он первым зашагал в сторону другой улицы. Пройдя приличное расстояние, Гэнгэн не выдержал:

— И что нам теперь делать?

Сиянь задумался:

— А что, если Чжан Дашань случайно попал в точку? Вдруг принцесса действительно там?

Братья Чжоу переглянулись. Юная особа императорской крови, волею судеб оказавшаяся в захолустье и тайно отдающая приказы страже — такое вполне могло быть.

Зная, как сильно Сиянь хочет избежать встречи с принцессой, Гэнгэн предложил избавиться от этой «горячей картофелины»:

— Неважно, правда это или нет. Давайте скажем об этом Чжан Дашаню, пусть у него голова болит.

Юноша и сам об этом подумывал, но быстро отбросил эту мысль:

— Чжан Дашань всё еще жаждет моей смерти. Если он использует принцессу как орудие против меня, я окажусь в еще более незавидном положении.

«К примеру, если принцесса позовет меня к себе в покои посреди ночи — идти или нет? — размышлял он. — Не пойдешь — ослушаешься приказа. Пойдешь, а она прикажет разделить с ней ложе — соглашаться или нет? Не согласишься — опять против воли высочества. согласишься — вроде и неплохо, мне как раз не хватает знатной невесты, чтобы та пришла и расторгла помолвку. Но вот если она на полпути закричит «насилуют!» — тогда мне точно несдобровать»

— Нужно сперва пробраться в усадьбу и разузнать, что там к чему, — рассудил он.

— Тогда придем ночью? — предложил Гэнгэн.

Сиянь не удержался от иронии:

— Приходить после заката, уходить до рассвета... Мы что, нанимаемся на работу в «Рассказы Ляо Чжяя»?

Гэнгэн шутки не понял и вопросительно взглянул на брата. Чжунсинь тоже не понял, но виду не подал, сохраняя привычную невозмутимость. Однако братская связь была слишком сильна: Гэнгэн мгновенно раскусил притворство и негромко фыркнул. Отстав от Фу Сияня на пару шагов, братья принялись вполголоса препираться.

Вскоре их спор стал громче.

— Да брось ты! — кипятился Гэнгэн. — Ни черта ты не знаешь! Скажи тогда, что молодой господин имел в виду?

— Молодой господин имел в виду, что нам нужен Го Пин, — отрезал Чжунсинь.

Гэнгэн даже опешил от такой уверенности.

Увидев, как Фу Сиянь по-хозяйски толкает приоткрытую дверь одного из домов, Чжунсинь поспешил следом. Гэнгэн замер на пороге: «...» И кто из них знал? Да он просто номер дома увидел!

Го Пин в это время был занят делами: он перетаскивал в дом лекарственные травы, разложенные для просушки во дворе, и раскладывал их по полкам. Видимо, тот факт, что в

прошлые визиты юноша не причинил ему физического вреда, подействовал на лекаря успокаивающе. Он принял их вполне дружелюбно, даже налил чаю, словно старым знакомым.

Сиянь не стал ходить вокруг да около:

— Ты говорил, что можешь вылечить мою болезнь?

— Не я, — поправил Го Пин. — Я знаком с одним из постояльцев усадьбы Ивового Древа, он большой мастер по части лечения недугов, вызванных холодом. Я упоминал ему о вашем состоянии, не называя имен. Он сказал, что это может быть из-за скопившегося в теле сырого холода, который закупорил меридианы.

Подобных диагнозов Фу Сиянь наслушался вдоволь, поэтому ответил без особого энтузиазма:

— Слышал я сегодня, что усадьба закрылась для гостей. Боюсь, твоему знакомому будет не до меня.

Го Пин искренне удивился:

— Неужели? — в его представлении ворота поместья всегда были гостеприимно распахнуты. — Может, мне сходить разузнать?

Он уже поднялся, но Сиянь его придержал:

— Мы пойдем с тобой. Мой недуг — дело серьезное. Было бы лучше всего поселиться там, чтобы лекарь мог наблюдать за мной и днем, и ночью.

Го Пин согласился, запер дом, и они отправились в путь. Близился вечер, и ароматы готовящейся еды волнами выплескивались на улицы. Живот Фу Сияня очень вовремя отозвался парой громких урчаний. Как раз неподалеку жарили мясо, и ноги юноши тут же намертво приросли к земле.

***

После того как все четверо знатно подкрепились у лотка с шашлычками, они, довольно отдуваясь и вытирая замасленные губы, продолжили путь.

Гэнгэн, уловив момент, отвел Го Пина в сторону и шепотом спросил:

— Слушай, молодой господин сегодня столько съел... Это ведь не сильно осложнит лечение?

Го Пин, всё еще помня, как эти двое стягивали с него штаны, ехидно прищурился:

— А что же ты его не остановил?

Он нахмурился:

— Так ты скажи — вредно это или нет? Если нет, зачем мне мешать человеку радоваться жизни?

Лекарь смешался и промямлил что-то невнятное, мол, точно сказать не может. Страж лишь презрительно хмыкнул, всем своим видом выказывая пренебрежение к такой науке.

Собеседник обиделся и, прибавив шагу, пристроился рядом с Фу Сиянем, принявшись увлеченно расписывать достоинства усадьбы. Когда юноша заслушался, лекарь вдруг сменил тему и начал как бы невзначай нахваливать братьев Чжоу. При этом он украдкой следил за лицом юноши, надеясь подметить хоть тень недовольства. Но тот поддакивал вполне искренне, и лекарь, разочарованный, быстро свернул разговор.

Вчетвером они подошли к боковым воротам владения. Го Пин постучал и передал привратнику свою визитную карточку. Вскоре к ним вышел высокий, сухопарый мужчина средних лет с тонкими усиками.

Они о чем-то пошептались, Го Пин незаметно сунул ему кошелек, и тот, нехотя кивнув, провел их внутрь. Их поселили в уединенном дворике совсем рядом с боковым входом.

Го Пин проводил своего знакомого и вернулся лишь спустя некоторое время. Чжунсинь и Гэнгэн, опасаясь выходов Чжан Дашаня, расстелили себе постели прямо на полу в комнате Фу Сияня. Когда вошел лекарь, лицо его было бледным и встревоженным. Он воровато оглянулся, запер дверь и прошептал:

— Я узнал, что стряслось в усадьбе.

Братья Чжоу тут же наострили уши.

Тот, покосившись на них, подошел к Фу Сияню с другой стороны и понизил голос:

— В усадьбе пропадают люди. Причем массово!

В голове юноши мгновенно всплыли леденящие кровь истории о благотворительных приютах, которые на деле оказывались лавками по торговле живым товаром.

— И как они пропадают?

Лекарь сглотнул:

— Никто не знает. Они исчезают группами, без следа. Сначала пропал старик-закупщик. Все решили, что он прихватил деньги и сбежал. Хозяин усадьбы пожалел его — мол, годы уже не те, да и сумма была невелика, вот и не стал поднимать шум. Но через день бесследно исчезла кормилица госпожи вместе со всей своей семьей — шесть человек как корова языком слизнула! Хозяин отправил на поиски охрану, но те так и не вернулись. Семь или восемь

опытных бойцов, представляете?! Ни живыми их больше не видели, ни тел не нашли — ни звука, ни следа. Когда слухи поползли дальше, один из постояльцев струхнул и решил сбежать потиньку. Оставил записку и был таков. Хозяин на всякий случай послал людей к нему домой разузнать, добрался ли... Говорят, и там его не видели. В общей сложности уже больше десяти человек растворились в воздухе. Жуть, правда? Усадьбу заперли именно для того, чтобы не подставлять под удар новых гостей.

Фу Сиянь помрачнел. Хоть это и суеверие, но такой сюжет очень напоминал завязку классического романа о боевых искусствах, где затишье предшествует кровавой резне.

— Столько народу, — недоверчиво спросил Гэнгэн, — и неужели никто ничего не видел? Ладно один человек, но семья из шести душ? А целая группа вооруженных охранников? Они же не иголки в стоге сена.

— В том-то и странность, — зачастил Го Пин. — Соседи кормилицы своими глазами видели, как всё семейство спозаранку отправилось на свадьбу. Но на следующий день выяснилось, что до праздника они так и не дошли. Родители жениха их в глаза не видели. От дома кормилицы до дома новобрачных — и двух ли пути не будет! По дороге их видели и в лавке лепешек, и у продавца паровых булочек — значит, они точно шли по назначению. А вот что случилось потом — тайна за семью печатями. Хозяин поместья уже и властям доложил, и стражников позвал, да только толку пока чуть.

— А стража? — не унимался Сиянь. — Восемь крепких мужиков, владеющих боевыми искусствами. Уж они-то должны были нашуметь.

— Да, они первым делом нагрянули в дом к жениху. Обыск устроили, даже повздорили с хозяевами. И время, и события — всё подтверждено свидетелями, соседи могут поручиться. А стоило им разойтись по округе для поисков — и поминай как звали.

Гэнгэн невольно придвинулся ближе к брату:

— Это уже не странность какая-то. Это чертовщиной пахнет.

Собеседник поддакнул:

— Умный человек не станет стоять под шатающейся стеной. В нынешней усадьбе Ивового Дерева задерживаться опасно.

Фу Сиянь был с ним полностью согласен. Он поднялся, намереваясь немедленно покинуть это место.

<http://bllate.org/book/15317/1354479>